

ной России состоял не из одного «Бухгалтера-практика»: одновременно с ним в Санкт-Петербурге выходил, например, журнал «Практик-монтер», «общедоступный технический журнал для непосредственных руководителей и исполнителей разных технических работ на фабриках и заводах промышленных, сельскохозяйственных и кустарных» (из объявления о подписке, опубликованного в «Бухгалтере-практике» в 1909 году).

Проведенный анализ большей части сохранившихся номеров журнала «Бухгалтер-практик» позволяет сделать вывод о том, что он был новаторским изданием в системе газетно-журнальной периодики Омска и Томска, представляя собой тип специализированного учебного издания. Существование подобного журнала говорило о том, что в начале XX века издатели периодики значительно расширили типологический спектр периодических изданий, рассчитанных на специализированную аудиторию. «Бухгалтер-практик» был совершенно неинтересен для широкого массового читателя, однако для узкого сегмента лиц, нуждающихся в при-

обретении специальных бухгалтерских знаний, он был и полезен, и вполне ими востребован.

Литература

1. История новгородских газет и журналов: взгляд из XXI века: Сб. ст. / Сост. А.Л. Семенова. В 2-х вып. Великий Новгород, 2012.
2. Лепилкина О.И. «Кавказские Курорты» (1912–1917) – региональный общественно-литературный иллюстрированный еженедельный журнал // Коммуникации в современном мире: Материалы конф. / Под общ. ред. проф. В.В. Тулупова. Ч. II. Воронеж, 2012. С. 100–102.
3. Самусенко О.А. «Сарапульский листок объявлений» – первая газета на территории Удмуртии (история, становление, структура, оформление) // Пресса и власть на уроках у свободы слова: материалы конф. / Сост. А.Г. Шкляев, А.А. Вахрушев. Ижевск, 2006. С. 22–36.
4. Сводный каталог периодики Западной Сибири (1782–1959 гг.). Ч. 1. Журналы. Продолжающиеся издания. Новосибирск, 1972.

УДК 147.7; 165.612

Г.С. Криницкая

Томский государственный университет

А.С. ХОМЯКОВ: СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В статье раскрывается история возникновения и сущность славянофильской концепции просвещения. Главное внимание уделяется исследованию базовых положений просветительской концепции, разработанной главой славянофильского направления в русской общественной мысли А.С. Хомяковым.

Ключевые слова: русская идея, просвещение, славянофилы, православие.

Krinitskaya Galina S.

A.S. KHOMYAKOV: SLAVOPHILE'S CONCEPT OF EDUCATION

The article reveals the story of the origin and nature of the Slavophile concept of education. The main attention is paid to the basic provisions of the educational concept developed by the head of the Russian Slavophile trend in social thought A.S. Homiyakov.

Keywords: Russian idea, education, the Slavophiles, Orthodox Christianity.

ПРОБЛЕМА ПРОСВЕЩЕНИЯ является новым и наиболее важным элементом славянофильской концепции русской идеи, нашедшей всестороннюю разработку в творчестве всех представителей данного направления русской общественной мысли. Но особо пристальное внимание вопросу просвеще-

ния в России уделял основоположник славянофильской школы – А.С. Хомяков. В созданной им концепции тема просвещения была исследована столь глубоко, а выводы, сделанные им, столь верны, что сегодня они, вне всякого сомнения, могут послужить базовым основанием при разработке современной концепции образования в России.

В основу своего концепта просвещения А.С. Хомяков положил тезис об историческом призвании России во всемирной истории: «Постигнув значение современных достижений и призвание Русской земли в истории всемирной, – пишет он, – мы приходим к глубокому убеждению, что русская земля исполняет свое призвание; но в то же время и к вопросу о том ... какие органы в частной деятельности она может найти в наше время для выражения и проявления своих внутренних начал ... порождает невольное и справедливое сомнение» [1. С. 203]. С точки зрения Хомякова, «только тот может выразить для других свои начала духовные, кто их уразумел для самого себя; только стройный и цельный организм духовный может передать крепость и стройность другим организмам, расслабленным и разьединенным. Мысль и жизнь народная может быть

выражена и проявлена только теми, кто вполне живет и мыслит этой мыслью и жизнью» [1. С. 203]. Обосновывая свой главный тезис, Хомяков предпринял исследование всей истории развития просвещения на Руси – от его зарождения до середины XIX века, выделив несколько его этапов.

На первом, древнем этапе русской истории, утверждает Хомяков, несмотря на его тревожнения (шел сложный процесс образования государства) мощная жизненная сила этого общества «не подавляла разумного развития личности. Пути мысли были свободны, все человеческое было доступно человеку». И хотя перевес общественного начала над личным был сильнее, чем следовало (необходимость скрепления государства, внешние угрозы, требовавшие сосредоточения сил для отпора), «но область личной мысли была еще довольно обширна» [1. С. 204]. Поэтому и в области просвещения не было места борьбе между различными слоями населения Руси. Более того, указывает Хомяков, «стихия народная не враждовала с общечеловеческим даже тогда, когда общечеловеческое приходило к нам с клеймом иноземным» [1. С. 204]. В качестве доказательства он приводит целый ряд фактов «охотного сближения» русского просвещения и искусства с западным.

Однако уже на втором этапе развития русской мысли вследствие «безумной и глубокой ненависти к русским людям» со стороны Швеции, прибалтийских баронов, но более всего «вследствие вражды и лукавства польских магнатов и латинского духовенства» народная стихия стала воспринимать Запад (иноземцев) как явление враждебное. Эта подозрительность к западной мысли стала проявляться уже после Флорентийского собора (1439 год). Но поскольку европеизм с каждым годом усиливал свою агрессию против России, стесняя область человеческого духа, «противное как истине человеческой, так и требованиям духа русского и коренным основам его внутренней жизни», то народ восстал: «Борьба 1612 года, – пишет Хомяков, – была не только борьбой государственной и политической, но и борьбой духовной» [1. С. 205]. В итоге сила русского духа восторжествовала, Москва была освобождена, а на русский престол был посажен русский царь.

Правда, в русской мысли появились – в лице польской и русской партии Салтыкова и других представителей западной мысли – те, кто стремились изменить старину («нравственно низкие души легче других отрываются от святынь народной жизни»). Это была «худшая сторона» в направлении развития русской мысли, породившая таких людей, как «развратный беглец и клеветник Катошихин, и таких предателей, как Хворостинов, объявивших русский народ „глупым“, с которым „жить нельзя“». Но это направление, по мнению Хомякова, скорее, было исторической случайностью, «крайностью».

Однако эта крайность русской мысли породила другую крайность в просвещении, инициатором кото-

рой стал «могущественный ее представитель» – Петр I, который, разрубив святую Русь на две части, внедрив насильственно чуждую, враждебную нам культуру, образ жизни и безверие (царь – антихрист), внес раскол между жизнью и идеалом русского народа, изменив тем самым коренным основам русской жизни. Отсюда, по теории Хомякова, и проистекает жалкое состояние просвещения в России, в основу которого должна быть положена «светская мысль» и православная вера.

С реформой Петра в этой области русского духа Хомяков связывает начало третьего этапа развития просвещения на Руси. Парадокс анализа Хомяковым петровского этапа состоит, однако, в том, что, находя его «крайним», он в то же время не считает его «совершенно неправильным». С его точки зрения, оно сделалось неправильным только в своем торжестве, что с радостью подхватили Салтыковы, Катошихины, Хворостинины, освободившись благодаря Петру от «тяжелых требований и нравственных законов духа народного» [1. С. 207].

Таким образом, мы видим, что Хомяков не отрицал начисто заслуги Петра I в области просвещения, усматривая здесь «долю правды», а именно: «Петр I отрицал стеснительный деспотизм обычаев и стихий». Считая безусловно справедливыми все тяжелые обвинения Петра I в уничтожении русских традиций, Хомяков, однако, уверен, что виновны в разрыве поступательного развития русской идеи скорее не Петр I, а его последователи, которых увлек «житейский соблазн». Отсюда то явление в русской жизни и русской мысли, которое он определил как «русский вигизм» (от английского «виги»). Так, по заключению Хомякова, в русском просвещении начался четвертый и самый опасный этап, порожденный не внутренними законами духовной народной жизни, а только исторической случайностью.

К сожалению, Хомяков не пишет о своем отношении к старообрядчеству, хотя и указывает на «деспотизм» обычаев в русском быте. Известно также, что он много спорил со старообрядцами по целому кругу вопросов церковной жизни, но что касается его отношения к догматике русской православной церкви, то здесь его позиция во многом совпадает со старообрядческой, с оценкой ее «мертвенности» и отхода от реальной жизни русского народа.

Обращаясь к исследованию четвертого этапа развития просвещения на Руси, прослеживая исторический ход новейшей науки России, Хомяков уже в четвертом номере журнала «Москвитянин» показывает «иноземное начало» нашей науки, приведшей не только к одностороннему ее развитию, но и к разрыву между умственной и духовной сущностью России, между самобытной жизнью и ее «прививным просвещением». «От этого разрыва, – пишет Хомяков, – и произошли в жизни бессознательность и неподвижность, а в науке – бессилие и безжизненность» [1. С. 106–107].

Перечисляя все пагубные последствия разрыва между просвещением и жизнью, Хомяков акцентирует внимание на главных из них:

1. Ни к каким великим открытиям в науке наше «прививное просвещение» не привело: «Все эти познания, вся эта умственная живость остались без плода ... бесплодны не только для народа, которому они совершенно чужды, но они остались бесплодны для самой науки. ... Лишенная самобытных начал, неспособная создать себе собственную творческую деятельность. ... Наша наука питается беспрестанным приливом тех областей... из которых к нам принесена. Она всегда учена задним числом, а общество ... поневоле и бессознательно питает раболепное почтение к тому миру, от которого получает умственную пищу...».

2. К числу других пагубных последствий заимного просвещения Хомяков относит тот факт, что научный анализ у нас пребывает на низшей ступени, поскольку наука, требуя от ученого высших способностей и аналитической деятельности, требует и бесстрашия перед всеразлагающей силой анализа, который делится на низшие и высшие ступени: «У нас же, – пишет Хомяков, – анализ возможен, но только на низших ступенях. При нашей ученой зависимости от западного мира мы только и можем позволить себе поверхностную проверку его частных выводов и никогда не можем осмелиться подвергнуть строгому допросу общие начала или основы его систем». Этот вывод Хомяков сделал и в отношении к философии и политической экономии, и к статистике, и к праву, но «еще с большей подробностью в отношении к наукам историческим, которые, по общему мнению, особенно процветают в наш век, но которые действительно находятся в состоянии жалкого бессилия и едва заслуживают имя науки» [1. С. 107].

Для доказательства правомерности своего вывода А.С. Хомяков осуществляет глубокий экскурс в историю всех существовавших в мире систем просвещения, начиная с Эллады и Рима, доводя свой критический анализ до середины XIX века и приходя к печальному заключению о том, что «мы еще ничего не сделали, подвигаясь раболепно в колеях, уже прорезанных Западом, и не замечая его односторонности. Все наши труды, из которых, конечно, многие заслуживают уважения, представляют только количественное или, так сказать, географическое прибавление к трудам западных ученых, не прибавляя ничего ни к стройности истории, ни к внутреннему ее содержанию. Один Карамзин, по бесконечному значению своему для жизни русской и по величию памятника, им воздвигнутого, может казаться исключением... Но разрыв с жизнью, разрыв с прошедшим и раздор с современным лишают нас большей части отечества; и люди, в которых с особенной силой выражается это отчуждение, заслуживают более сожаления, чем порицания. Они жалки, как всякий человек, не имеющий отечества, жалки, как жид или цыган, или еще жалче, потому что жид еще находит отечество в исключительности своей религии, а цыган – в исключительности своего племени. Они – жертвы ложного развития» [1. С. 107–115].

3. Наконец, еще одним опаснейшим последствием бездумного подражания западным образцам, перене-

сенным на русскую почву во всей нашей науке, образовании и в быту, считает Хомяков, является мертвенный формализм, поскольку формализм имеет постоянное притязание заменить всякую нравственность и всякую духовную силу голыми формулами: «Жизненную гармонию, – пишет Хомяков, – заменяет он, так сказать, полицейскою симметрией в науке, где он более боится заблуждений, чем ищет истины; в искусстве, где он более избегает неправильности, почти всегда сопровождающей всякое гениальное явление, чем стремится к красоте ... в быте, где он вытесняет и заменяет всякое теплое и свободное излияние души мертвым призраком благочиния. Таков характер формализма; таков он был в схоластической философии... таков он был в так называемой классической литературе XVIII века; таков в пластических художественных школах... от которых уж отлетел дух, их создавший» [1. С. 129].

Определяя формализм как «мертвый результат подражательства», Хомяков доказывает, что формализм вместе с тем есть результат «мертвящий», поскольку он «погружает своих суверенных поклонников в тяжелый и бесчувственный сон, от которого или вовсе не просыпаются, впадая в совершенное омертвление, или просыпаются горькими, ядовито-насмешливыми и в то же время самодовольными скептиками, утратившими веру в формулу, так же как в жизнь, в общество, так же как и в людей. Им остается спастись только в гастрономии (по-нашему, в обжорстве)» [1. С. 131].

Подводя итог своим изысканиям по проблеме просвещения, Хомяков не ограничился выявлением пагубных последствий слепого переноса западных образовательных концепций в Россию, он также решает вопрос о возможных путях и средствах их преодоления. Для достижения истинного просвещения, по Хомякову, следует искать прежде всего осознания наукой двух противоположных начал, борьба между которыми была скрытой причиной и скрытым содержанием почти всех явлений нашего исторического движения, выразившаяся в двух противоположных стремлениях: 1) стремление к самобытности; 2) стремление к подражательности. Первое было представлено великим основателем науки в России Ломоносовым; второе – Тредиаковским, «презрителем» всего русского, которое он называл «мужицким».

Однако эта борьба между двумя противоположными началами, согласно Хомякову, была неполной и бессознательной до середины XIX века. Теперь же, когда научная мысль в России стала осознавать свое бессилие и бесплодность всякой подражательности (будь она явно рабская, то есть привязанная к какой-то школе, или свободная, то есть эклектическая), когда западный мир сам потерял веру в свои прежние начала и бросился искать новые пути просвещения чисто аналитическими средствами «кончился срок» наших заблуждений: «Можно утвердительно сказать, что из даровитых и просвещенных людей не осталось ни одного, кто бы не осознал, что «внутренняя духовная жизнь русского народа есть единственное и плодот-

ворное начало для будущего просвещения в России» [1. С. 134].

Всестороннее обоснование своего вывода Хомяков представляет в работе «По поводу Гумбольдта». Сравнивая различные эпохи развития духовных начал, лежащих в основе человеческих обществ, он выявляет главные причины глубокого кризиса науки и просвещения на Западе в XIX веке. Отметив, что есть эпохи, в которых развитие духовных начал скрывает разумность самих исторических законов, и есть эпохи, в которых духовные начала, уже уличенные в односторонности, бессилии и лжи, стремятся «обмануть строгую логику истории хитростью» различных приемов и методов, Хомяков говорит о том, что есть эпохи, в которых развитие духовных начал, правивших прошедшей историей, окончено, уловки их истощены и неподкупная логика истории выносит им свой приговор. Хомяков заключает, что такой эпохой стал XIX век: «Никогда не было таких обширных, таких всеобщих потрясений... никогда еще не было такого разрушения прежних начал, без возникновения новых начал; никогда еще не было таких волнений народных и такого всеобщего волнения... Общество восстает не против формы своей, а против всей сущности, против своих внутренних законов ... Лютеранство и протестантство, казалось, были готовы снова вступить в бой. Но ни то, ни другое не выдержало критики... ни то, ни другое не могло отвечать на заданные ему вопросы ... Логика истории произносит свой приговор не над формами, а над духовной жизнью Западной Европы... духовные начала, которыми жила и управлялась Европа в продолжении стольких веков, замолкли перед требованием критики, самая область духовная опустела, внутренний мир души исчез, вера в разумное развитие погибла и жадное нетерпение вещественных интересов... не могло признать никакого другого пути, кроме пути взрывов и насилия» [1. С. 198–200].

Главную причину падения западного мира Хомяков видит в том, что Западная Европа развивалась не под влиянием христианства, а под влиянием «латинства», то есть под влиянием односторонне понятого христианства как закона внешнего единства. Вообще в полноте своего божественного учения христианство представляет собою идею единства и свободы, неразрывно соединенные в нравственном законе взаимной любви. Однако римский мир не мог понять этого закона: для него единство и свобода являлись силами, противоположными друг другу, то есть антагонистами. Из этих двух начал высшим ему показалось единство, и он пожертвовал свободой. В результате западный мир развивался «в идее внехристианства, понятного им как государство в борьбе императоров и пап, в крестовых походах, в военно-монашеских орденах, в принятии одного церковно-дипломатического языка (латинского) и т.д.» [1. С. 200].

На втором этапе развития духовного мира Запада односторонность «латинства» вызвала противодействие, и после долгой борьбы наступил период протестан-

тантства, но так же одностороннего, как и латинство, поскольку протестантство удерживало идею свободы, но и приносило в жертву идею единства. По-другому, утверждает Хомяков, быть и не могло, поскольку Запад был воспитан юридическим формализмом Рима. Поэтому как идея единства была внешней, так и протестантская идея свободы была внешней, отрешенной от собственно своего разумного содержания, а значит это «понятие чисто отрицательное и, следовательно, внешнее» [1. С. 201].

Протестантизм удерживали в Европе несколько веков от полного самоуничтожения только произвольные условия его обоснования. Но всякий произвол содержит в себе «семена» собственной гибели. Естественно поэтому, что, как только на него (произвол) обрушилась разумная критика, западный мир с его ложным просвещением пришел к своему закату.

Так, по мнению Хомякова, Запад вступил в свой последний, третий период существования, и все попытки создать новые духовные начала (Оуэна, Сен-Симона) под именем коммунизма или социализма были неудачными, поскольку «все эти системы, порожденные, по-видимому, вещественными болезнями общества и имевшие, по-видимому, целью исцеления этих болезней, были действительно рождены внутренней боязнью духа и устремлены к пополнению пустоты, оставленной в нем падением прежней веры или прежнего призрака веры. Все они пали или падают вследствие одной и той же причины, именно той субъективной произвольности, на которой они основаны» [1. С. 201–202], – заключает Хомяков.

Прогнозируя путь будущего просвещения в России, Хомяков хорошо понимал, что Запад, привыкший видеть в России страну варваров, которых легко подчинить и эксплуатировать в собственных интересах, не просто сдаст свои прочные позиции в образовательном пространстве нашей страны и, мимикрируя, назовет XIX век «переходной» эпохой.

Однако Хомяков, постигнув значение современных ему научно-исторических процессов и призвание Русской земли в истории всемирной, приходит к глубокому убеждению в том, что остановить процесс освобождения русского просвещения от прочных западных пут будет уже невозможно: такова была воля промысла, таков был смысл всемирной истории. Поэтому Хомяков считает, что все усилия отсталых мыслителей, все хитрости духовных правителей, «унижающих веру до иезуитски-нищенского союза со страстями и партиями политическими», бесполезны, и человек уже не может не понимать вечную истину первобытного христианства в ее полноте, то есть в тождестве единства и свободы, проявленном в законе духовной любви, как оно было понято в правлении на Руси, принявшей чистое христианство издревле.

Более того, считает Хомяков, исторический анализ покажет, что шаткость и бесплодность духовного мира Запада – это вовсе не случайное и преходящее явление, а закономерное – «последствие внутреннего раз-

дора, лежащего в основе мысли и в составе общества... что начало той мертвенности, которая выражается в XIX веке, заключается уже в составе германских завоевательных дружин и римского завоевательного мира, с одной стороны, и в односторонности римско-протестантского учения – с другой» [1. С. 134], так как закон общественного развития лежит в его первоначальных зародышах, а закон умственного развития лежит в народной вере. В итоге, заключает Хомяков, при будущем успехе анализа в науке российской он (анализ), без сомнения, разовьется в синтез, синтез науки и жизни, что приведет к внутреннему освобождению от ложных систем и ложных данных, то есть к созданию просвещения, но уже не эклектического, но органического русского просвещения.

Апофеозом научной прозорливости Хомякова, проделавшего своего рода экскурс в будущее науки и просвещения, можно считать его вывод: «Недавно наше просвещенное общество узнало о химическом раз-

ложении Римфардова супа из сухих костей, которым долго кормили бедных и который не содержал в себе ничего питательного и более был способен ускорить голодную смерть, чем спасти от нее. Конечно, с этого открытия бедные сыты не будут, но уже и того много, что постараются возвратиться к хлебу, бросив надежду на суп из сухих костей» [1. С. 135]. Действительно, начавшийся сегодня в российской науке и образовании мощный протест против Болонской конвенции, грозящей нам национальной катастрофой, в полной мере подтверждают прогноз Хомякова в этой части его публицистического наследия.

Литература

1. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988. 461 с.

УДК 7.072.3

Н.Д. Мельник

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КРИТИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО ИСКУССТВА: 1850–1860-Е ГОДЫ

В статье рассказывается о формировании в рассматриваемый период художественной критики как профессиональной отрасли отечественной журналистики. В это время художественная критика ставит перед собой задачу: определить основные особенности нового реалистического искусства, с которой успешно справляется. Вскоре она утверждает критический реализм как метод. В значительной степени это происходит благодаря В.В. Стасову – самому активному проводнику идей критического реализма в отечественной периодической печати.

Ключевые слова: художественная критика, русская журналистика, критический реализм, журнальные битвы, критик В.В. Стасов.

Melnik Natalia D.

ART CRITICISM AS A REFLECTION OF RUSSIAN ART: THE 1850s – 1860s

The article reports about the formation of the art criticism as the professional branch of Russian journalism in review period. At this time, art criticism aims to: identify the key features of the new realist art, which copes. Soon it claims critical realism as a method. This is largely due to V.V. Stasov – the most active conductor of ideas of critical realism in Russian periodicals.

Keywords: art criticism, Russian journalism, critical realism, magazines' battles, critic V. V. Stasov.

ОЖИВЛЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ и становление художественной критики происходило на фоне подъема в России общественной мысли. Особенно это проявилось во второй половине 1850-х годов, после поражения в Крымской войне (1853–1856 гг.), что дало толчок проведению социально-экономических преобразований. Н.В. Шелгунов характеризовал этот период как «время, когда каждый захотел думать, читать и учиться... Спавшая... мысль заколыхалась... и начала работать... решались судьбы... всей России...» [1. С. 93–94].

Особого внимания в становлении художественной критики заслуживает период с конца 1850-х годов до 1863 года («шестидесятые годы»). Ведущая роль принадлежала критике литературной, но она помогала критике художественной определиться в журналистике как в социальном институте. Именно из литературы пришли такие понятия, как критический реализм и народность. М.П. Розенгейм, вводя термин «бытовая живопись», писал: «Я предлагаю заменить слово *генре*, в отношении живописи, словом *быт*, вместо живопись – *генре*, картина – *генре*, говорить *бытовая живопись*, картина *быта*» [2. С. 38]. Этот термин стали употреблять художественные критики В.В. Стасов, П.Н. Петров, И.И. Дмитриев, П.М. Ковалевский и другие.